

Кукольник Нестор Васильевич

Повести и рассказы

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Повести и рассказы: Том 2 / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 589 с.

ISBN 978-5-519-91658-5

ISBN 978-5-519-91658-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОКУРОРЪ.

—

I.

Было время зимнее, досужее... День такой коротенькій; мигнетъ глазкомъ, да и зажмурится, словно въ шутку свѣтло станетъ; солнца во всю зиму и въ поминъ не было; между работниками ходили слухи, будто свейскіе Нѣмцы, не чѣмъ взять, такъ того, на питерское солнышко туманъ навели. И дѣлать-то нечего: ни каналовъ копать, ни липъ и дубковъ сажать, ни невскій флотъ къ морю неволить, ни кораблей спускать, да бѣлыми крылышками убирать, ни фонтановъ подъ Стрѣлинской Мызой проводить, ни домовъ строить; ничего дѣлать нельзя; просто такой гнилой досугъ, что со скуки плакать, а отъ лѣни спать приходится. То-то должно быть скучно батюшкѣ Петру Алексѣевичу!.. Какъ бы не такъ!

Государь давно уже за бумагами сидитъ; читаетъ, да надписываетъ резолюціи, а Александръ Ивановичъ у стола стоитъ: передъ нимъ корзина съ пакетами; знать почта. Онъ то все бумаги шелушитъ; на полу гора обвертышей, передъ Государемъ другая разныхъ писаній; Александръ Ивановичъ знай только подкладываетъ. Государь на окно глянулъ, потомъ на часы; стрѣлка, ро-

стомъ чуть не съ якорь, IV показываетъ. Да и у Александра Ивановича въ исподнемъ карманъ куранты жалованой луковицы четыре проиграли — «Далеко еще до свѣта...» сказалъ Петръ Алексѣевичъ, и пошелъ опять писать да читать. Прошелъ еще добрый часъ. Государь всталъ и снимая шлафоръ, сказалъ въ полголоса: «Ухъ, умурился!

На немъ осталась канифасная фуфайка съ костянными пуговками... Скоро и работа кончилась. Румянцевъ нагрузилъ обвертышами ту же корзину, понесъ въ лакейскую мазанку, и бросивъ на полъ, сказалъ: «Вотъ вамъ затапливать печи, обувать свѣчи...» и воротился въ домикъ Государевъ. Государь на всѣхъ бумагахъ письменныя отмѣтки подѣлалъ, только двѣ отложилъ. Когда Александръ Ивановичъ воротился, Государь пересматривалъ отложенныя бумаги съ особеннымъ вниманіемъ.

— «Что ты будешь дѣлать?» сказалъ Государь съ примѣтною досадою: «Право, надоѣли! Видно, Чернышевъ съ Крейцомъ въ адмиралитецъ-коллегіи ужиться не могутъ; обоихъ вонъ нельзя; люди на мѣстѣ и дѣло смыслятъ; одного вонъ, другой зачванится. Ахъ ты, Господи! Бѣда, право, доносъ за доносомъ, и объясняются безъ обвиняковъ, такъ, даже не прилично! И всегда у нихъ размолвка оттого, что, оба на одну и ту же вещь съ разнаго бока смотрятъ. Будь у нихъ умный и толковый прокуроръ — и все бы пошло на ладъ. Не знаешь-ли ты, Александро, на это мѣсто человека честнаго и способнаго?..»

— «Гмъ! Честнаго и способнаго?» отвѣчалъ

Александръ Ивановичъ Румянцевъ, денщикъ Государевъ: «Способность и честность, Государь, не спорная пара; коли одна лошадка ретивая, такъ другая пристаетъ. — Есть у меня одинъ на примѣтъ, — куда способенъ, а безъ батога честнымъ не будетъ. Развѣ изволишь, Государь, впередъ его порядкомъ напугать.»

— «Нѣтъ, Александро, изъ-подъ страха плохая честность. Нѣтъ-ли кого, другаго? Или прійдется самому искать?»

— «Самому, самому! У тебя, Государь, на это дѣло больше моего смѣтки. Иной разъ, право, такой вздоръ на мысль приходитъ.»

Александръ Ивановичъ улыбнулся, и поспѣшилъ принять важный видъ...

— «А что такое?..»

— «Да такъ! Иногда, грѣхъ вымолвить, подумаешь, не то чтобы колдовство, а такъ, маленько не чисто.»

— «Какъ не чисто?..»

— «Да иной разъ глядишь: моржъ морской, ну, хамъ хамомъ... Глядишь, годъ, другой пройдетъ, чудо — не служивый, какъ будто и родился на то мѣсто, куда ты его, Государь, поставилъ... Оно, скажешь, случай! Какой тутъ случай! Отчего-же я, что ни найму истопника, — или воръ или пьяница! Вотъ намѣдни, Чуховца надо было навять, съ кувшткамеры соръ вывозить; такого добренькаго нашелъ; гляжу, а онъ мнѣ изъ-подъ дождеваго стока и кадку со двора вывезъ. На Охтѣ ужъ догналъ! Поди, случай!»

Государь уже не слушалъ Александра Ивановича, разсматривая другую бумагу. Прочитавъ два раза сряду, Петръ Алексѣевичъ подалъ ее Румянцеву.

— «Прочти!» сказалъ Государь: «Что-бы это могло значить?»

— «Ума не приложу!» отвѣчалъ Александръ Ивановичъ: «Должно быть, ты, Государь, наскоро его воеводой назначилъ; не довольно поразсмотрѣлъ.»

— «Да гдѣ-же всякаго, словно въ школѣ, экзаминовать! Только это право странно: на Олонецъ дѣлъ не мало, а у воеводы третій годъ въ канцеляріи нѣтъ чиновниковъ. Что пошлютъ изъ коллегіи въ Олонецъ нужныхъ людей, — мѣсяцъ, два пройдетъ, по рапортамъ гляжу: всѣ выбыли или перемѣстились... И это уже въ третій разъ!»

— «Въ третій разъ всѣ чиновники изъ воеводской канцеляріи въ отставку пошли!» воскликнулъ Александръ Ивановичъ, всплеснувъ руками: «Вотъ долженъ быть пила, сварливый хрычъ, брюзга, ябедникъ, или чтонибудь и того хуже...»

Государь примѣтно измѣнился въ лицѣ, и сказалъ угрюмо: «Не гадай дурнаго, Александръ, а то я себя не прощу, что три года злу рости позволилъ. Лошадей! Одѣваться!..»

— «Куда ты это, Государь?»

— «Въ Олонецъ!»

— «Сей часъ?»

— «Сію минуту!»

II.

На самомъ концѣ мыса, образуемаго соединеніемъ рѣки Олонки съ Мерегою, въ многочислѣннѣйшей части города, стояла Богоявленская Олонецкая Ярмарка, уже дней пять. Купцы жаловались на морозы и на покупателей; не только сушеная рѣпа, главный продуктъ Олонецкаго Уѣзда, даже чернобурья лисицы не шли съ рукъ. Многіе заключили, что должно быть войнѣ, и собирались въ обратный путь. Не знали только докладно, съ кѣмъ будетъ война: съ Султаномъ ли Турскимъ или съ Свейскимъ покойнымъ Королемъ, потому что Карлъ XII былъ въ Турціи, и во всей Россіи назывался покойнымъ. Полтавскую побѣду считали его смертію. Уже было часовъ одиннадцать утра, а купцы и на сто рублей не наторговали. Съ горя почти всѣ отправились сводить барыши въ Заведеніе... Тогда еще роскошь не подточила патріархальныхъ нравовъ жителей Олонца: все заведеніе заключалось въ одной широкой избѣ. Въ углу стоялъ столъ съ чашками и чарками; на тарелкахъ и дощечкахъ лежало множество разстегаевъ съ соленою рыбою, и между ними три бутылки, больше ради украшенія, потому, что посятители заведенія болѣе придерживались штофнаго, нежели бутылочнаго. За столомъ, въ самомъ углу избы, была печь на нѣмецкій манеръ: съ исподу топилась, а на верху стояли кастрюли съ олонецкой рѣпой и разными рыбами. Заведеніе въ одно мгновеніе наполнилось купечествомъ, которое расположилось вокругъ стѣнъ на прилавкахъ. Буфетчикъ и половой были

въ ужасныхъ хлопотахъ, тѣмъ болѣе, что дурной торгъ Богоявленской Ярмарки дѣлалъ посѣтителей и взыскательными, и сварливыми. Хозяинъ, замѣтивъ съ чердачка, что гости съ площади повалили въ заведеніе, сошелъ внизъ, и появленіемъ своимъ разогналъ тучи неудовольствія и досады. «Семенъ Пафнутьичъ, Семенъ Пафнутьичъ!» кричали гости со всѣхъ сторонъ, отздравствовавшись и разсылись. Только и осталось два пустыхъ мѣста у окна, и то потому, что больно дуло изъ-за отклеившейся сахарной бумаги, замѣнявшей разбитое стекло. Вошелъ городской мѣщанинъ Рѣпкинь, помолился на иконы, молча поклонился хозяевамъ, и сѣлъ подъ окно. Нечего дѣлать. Только и оставалось мѣста. Обтягивая поясъ, онъ съ досадою посмотрѣлъ на гостей и хозяина, и отплюнулся. — «Тѣфу ты, брюква гнилая!» сказалъ онъ въ полголоса: «Знаемъ мы, братъ, твою рѣпу; у Савельевны откупилъ по поламъ съ гнилою, а продалъ три четверика сегодня; а у меня, поди, вся рѣпа на подборъ; просто сласть, не плодъ; вмѣсто сахара чаемъ прихлебывай, и здоровая вся, ни червинки, а поди, одной штуки не продалъ, окаянный ты барышникъ!»

Романъ Ивановичъ Рѣпкинь погрузился въ размышленіе. Вошелъ Иванъ Романычъ Брюквинъ, и помолясь на иконы и поклонясь хозяину, отправился было мѣста искать. Негдѣ присѣсть. Подъ окномъ Романъ Ивановичъ сидитъ. Дуетъ, — не бѣда. Да Романъ Ивановичъ врагъ; также на ярмаркѣ рѣпу продаетъ; по его милости Иванъ

Романычъ сегодня три четверика въ убытокъ продалъ, лишь бы торгъ отбить. Рѣпкинь, видя, что кто-то къ окну подходитъ, поглядѣлъ на Брюквина, и усмѣхнулся такъ злобно, такъ презрительно, что Иванъ Романычъ не вытерпѣлъ, поослабилъ поясъ, пріосамился и сѣлъ возлѣ подъ окномъ. Сосѣди отвернулись другъ отъ друга.

— «Постой же!» подумалъ Романъ Ивановичъ Рѣпкинь: «Пафнутычъ, Семенъ Пафнутычъ!» сказалъ онъ громко: «Нельзя-ли полынной поднести!»

— «Не важничай!» подумалъ Иванъ Романычъ Брюквинъ: «Эй, Семенъ Пафнутычъ, прикажи-ко настойки! И на зубокъ чего нибудь...»

Поднесли обоимъ на одной жестянкѣ; чарки были перемѣняны; оба схватили, и залпомъ выпили каждый не по своему заказу...

— «Тьфу ты!» сказалъ Рѣпкинь: «Чужое пьеть!»

— «Настойка-то видно лучше полынной...» замѣтилъ Брюквинъ..

— «Постой, постой!» подумалъ Рѣпкинь, и сказалъ громко: «Теперь бы, Семенъ Пафнутычъ, попробовать Изосимовскихъ пискарей!»

— «А мнѣ бы, прибавилъ Брюквинъ, мегрежской щуки отъ хвоста, да съ хрѣнкомъ. Раззорюсь, была не была, а ужъ не уступлю.»

Половой поставилъ столъ передъ сосѣдями, и подалъ рыбу.

— «Что это у тебя...» спросилъ Рѣпкинь: «одинъ столъ на всю компанію?..»

Половой былъ малый проворный, шутникъ и

дерзкій такой; даже купцамъ, что пушнымъ товаромъ торгуютъ, и тѣмъ спуску не давалъ.

— «Кушайте, господа, на здоровье! Вонъ, Лука Алексѣичъ, не рѣпой, а мѣдью всякою торгуетъ, а тоже за однимъ столомъ съ другими ѣстъ; на всякаго не припасешь.»

Не дожидаясь возраженій, половой отошелъ.

— «Постой, постой!» думалъ Романъ Ивановичъ, убирая наскоро пискарей: «Эй, Пафнutyчъ, Семенъ Пафнutyчъ, того, сладкой...»

— «Тминной?» спросилъ хозяинъ.

— «Всякой!» отвѣчалъ Рѣпкинъ и улыбнулся.

— «Я тебѣ носъ утру!» почти ворчалъ Брюквинъ: «Раззорюсь, нѣ пухъ раззорюсь, а ужъ не уступлю!» и закричалъ: »Пива!»

— «Съ церемоніей?» спросилъ хозяинъ.

— «Съ церемоніей!» грубо отвѣчалъ Брюквинъ. Половой поднесъ на тарелкѣ бутылку пива съ двумя стаканами... Въ то же время Рѣпкинъ закричалъ: «Вина съ церемоніей!» Половой осклабился и отвѣчалъ:

— «Ужъ спрашивали бы, что знаете; а гдѣ это вино подаютъ съ церемоніей? Вино не рѣпа.»

— «Зачѣмъ два стакана?» спросилъ гнѣвно Брюквинъ.

— «Затѣмъ, что безъ тарелки и безъ двухъ стакановъ церемоніи не бываетъ. Не изъ одного же стакана оба будете пить; а вино пьютъ рюмками, такъ церемоніи не нужно.»

Сосѣди замолчали, и спокойно допили каждый свой пай, покашливая, поглаживая себя по брюху, и

похваливая напитки. Только и слышно было: «Бархатъ, не пиво!» — «Важное вино, чай заморское!»

— «Что-жъ онъ не встаетъ?» подумалъ почти въ слухъ Иванъ Романычъ: «Опять важничаетъ! Я первый не встану.»

— «А небось я встану!» отвѣчалъ также про себя громко Романъ Ивановичъ. — Оба прислонились къ стѣнкѣ, и упорствуя въ забавномъ соперничествѣ, вздремнули. Купцы, закусивъ и обогрѣвшись, разбрелись къ своимъ товарамъ; въ избѣ остались только два соперника, продавцы олонекской рѣпы; они уже спали на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ; только у Романа Ивановича голова перевалилась на сторону сосѣда, такъ, что носъ пришелся прямо противу разбитаго стекла. Половой съ буфетчикомъ вышли на площадь, и глядѣли съ глупымъ любопытствомъ, какъ подъ церковью Рождества Богородицы ярмарка раскипалась.

— «Теперь-то самый торгъ идетъ, а наши-то спятъ! Какъ бы ихъ выжить, Ефимъ; можно бы и самимъ на ярмарку сбѣгать.»

— «А что въ самомъ дѣлѣ!» отвѣчалъ половой, поглядѣвъ на окно, и усмѣхнулся...

— «Чего?» спросилъ буфетчикъ...

— «Да ужъ была не была!» сказалъ Ефимъ рѣшительно, далъ щелчка въ носъ Роману Ивановичу, и присѣлъ подѣ окномъ.

Сколько упрековъ потерпѣлъ бѣдный Корнель за легкій ударъ по носу перчаткой, въ Сидѣ; и это всегда на позорищѣ дѣлается такъ деликатно; актеръ размахнется, а другой подставитъ руку; звонъ,

будто въ самомъ дѣлѣ крупно обошлись, а ни боли, ни безчестья; что же скажутъ Гг. читатели про моего Ефима, а еще пуще про Рѣпкина? Романъ Ивановичъ вскочилъ отъ щелчка, слезы на глазахъ выступили; оглянулся: во всей избѣ кромѣ спящаго Ивана Романыча ни живой души; и боль и досада помутили разумъ Рѣпкина, и соперникъ его пропустилъ отъ сильныхъ и хлестскихъ поздравленій Романа Ивановича. Иванъ Романычъ, ничего не понимая, вцѣпился въ волоса Роману Ивановичу; пошли въ потасовку, и вскорѣ вся ярмарка наполнила избу и окружила заведеніе. Съ трудомъ развели бойцовъ; откуда ни возьмись, явились подъячье; горожане раздѣлились на двѣ партіи; стали писать челобитныя, и вся ярмарка отправилась въ воеводскую канцелярію.

III.

Рано поутру того-же дня, Олонецкій Воевода пришелъ въ узаконенный часъ въ воеводскую канцелярію. Сторожъ, Архипъ, зналъ воеводскую походку, и всегда отворялъ дверь въ самое то мѣновеніе, когда Иванъ Михайловичъ протягивалъ ногу, чтобы толкнуть половинку, которую во всегдашней плотности съ другой половинкой содержали два кирпича, привязанные къ веревкѣ съ блокомъ. Три года сряду Иванъ Михайловичъ каждый день говорилъ въ эту минуту: «Здравствуй, Архипъ!» и получалъ въ отвѣтъ: «Здравія желаю, ваше высокоблагородіе...» — «Что, никого не было?» —